

А.В. Костров

**«СЕМЕЙНЫЕ (ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ)»
А.М. ПОПОВОЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА СТАРОВЕРОВ
БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В 20-е гг. XX в.**

История «старообрядческой экономики» имеет своеобразный характер развития. Местное хозяйство старообрядческих родов, общин, согласий, показывая серьезные темпы роста, со временем стало занимать важное положение в экономике разных регионов страны. Основными причинами экономического благополучия последователей «старой веры» были развитая трудовая этика и выраженный корпоративизм старообрядческих обществ. В XIX столетии (особенно после отмены крепостного права), межрегиональная согласийная инфраструктура подарила миру массового старообрядческого предпринимателя, который, поэтапно поднимаясь по ступеням экономической иерархии, со временем стал основным действующим лицом старообрядческой экономики. Последняя занимала важное место в экономике дореволюционного российского общества. Эти процессы нашли свое яркое отражение в произведениях В.П. Рябушинского¹ и П.А. Бурышкина², а также в исследованиях В.В. Керова³, Д.Е. Раскова⁴, Ю.А. Петрова⁵, а также автора статьи⁶.

Характерно, что старообрядческие предприниматели были вершиной айсберга, основой которого был многомиллионный крестьянский мир. После революционной деструкции Российской империи и комплекса мер Советской власти, направленных на национализацию капитала, крупное старообрядческое предпринимательство исчезает. Автоматически исчезает и старообрядческая экономика национального масштаба, которая сворачивается до уровня старообрядческого хозяйства разных регионов. Важно понимать при этом, что подобное местное хозяйство семей и особенно общин, испытывало на себе влияние согласийного начала. Так, в одной деревне, в которой имели

место разные согласия старообрядчества или проживали представители официального православия (или других религий), сельскохозяйственная община не консолидировалась приходом, а напротив — делилась на несколько религиозных общин. Вынужденное хозяйственное взаимодействие с последователями других согласий (и других конфессий) развивалось на фоне тесного культурного, социального и экономического взаимодействия с последователями своего согласия. Поэтому имеет смысл различать такие понятия, как: старообрядческая экономика в рамках общенациональной экономики, экономика старообрядческого согласия, экономика старообрядчества в рамках экономики какого-либо региона, экономика какого-либо согласия в рамках того или иного региона, старообрядческое хозяйство в рамках смешанной сельскохозяйственной общины, хозяйство старообрядческой общины, хозяйство старообрядческой семьи. В любом случае эти уровни старообрядческой экономики надо рассматривать в рамках существующих между ними связей и в контексте общего экономического развития страны, региона, местности, населенного пункта. Эти факторы играли важную роль вплоть до разворачивания глубокой элитарной модернизации страны (в конце 1920–1930-х гг.), которая их нивелировала.

Большое (иногда определяющее) влияние на развитие старообрядческого хозяйства оказали условия разных регионов. Важность региональной структуры староверия отмечал еще А.П. Щапов⁷. В советской и современной историографии неоднократно ставился вопрос о необходимости комплексного исследования старообрядчества востока страны⁸. Для старообрядчества Забайкалья и Дальнего Востока такими исследованиями стали труды Ф.Ф. Болонев⁹ и Ю.В. Аргудяевой¹⁰. Вместе с тем, несмотря на то, что по отдельным аспектам развития хозяйства, в частности семейских старообрядцев, имеются научные публикации¹¹, тема эта пока еще остается относительно мало исследованной. В связи с этим, существует настоятельная необходимость публикации с целью научной популяризации источников, в которых имеется информация по истории хозяйства старообрядцев Байкальской Сибири. К числу таких историографических источников относится работа А.М. Поповой «Семейские (Забайкальские старообрядцы)»¹², опубликованная в 1928 г. в Верхнеудинске.

Анна Михайловна Попова в 1920-е гг. была хранительницей этнографического отдела Иркутского областного музея. В 1924–1927 гг. ею был предпринят ряд экспедиционных поездок в Забайкалье с целью этнографического изучения семейских старообрядцев. Эти экспедиции проходили при финансовой поддержке Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова и Буробкома ВКП(б). Кроме того, за помощью в собирании материала исследовательница обращалась к руководителю тарбагатайской общины белокриницкого согласия Амвросию Федотову (Будущему белокриницкому епископу Афанасию). В основном сбор материала осуществлялся на территории Тарбагатайского района Бурят-Монгольской АССР. В результате этих поездок в фондах Иркутского музея был сформирован новый «семейский» подотдел. Основные результаты полевого исследования были опубликованы в виде цикла статей в журнале «Бурятияведение», а в 1928 г. в виде отдельной книги. В 2005 г. этот текст был переиздан В.Л. Петровым и Е.В. Петровой в замечательной хрестоматии «История и культура семейских Забайкалья»¹³. Однако ориентация хрестоматии на школьные библиотеки привела к тому, что произведение было сокращено за счет сокращения тех отрывков, в которых освещались негативные стороны жизни семейских, получившие распространение в период гражданской войны. Но для всестороннего исследования истории местного старообрядчества в распоряжении научной общественности должен иметься доступный полный текст. Так как издание 1928 г. стало антикварной ценностью, а переиздание 2005 г. сразу же стало библиографической редкостью, мы принимаем публикацию полного текста книжки А.М. Поповой по изданию 1928 г.

Анна Михайловна Попова, вслед за Афанасием Прокопьевичем Щаповым и Афанасием Матвеевичем Селищевым, стала продолжательницей традиции иркутских исследователей старообрядчества. И если А.П. Щапов создавал свои фундаментальные труды по истории старообрядчества в рамках истории всей страны, то ближайший предшественник исследовательницы А.М. Селищев¹⁴ изучал историю и быт семейских Забайкалья за несколько лет до ее экспедиций. Сравнение полевых материалов, собранных им в 1919 г., и материалов, собранных А.М. Поповой

в 1924–1927 гг. позволяет рассматривать многие вопросы истории местного старообрядчества в динамике. Более того, именно этнографические описания, отличающиеся целостным описанием повседневного быта местного старообрядчества, позволяют изучать многие вопросы его развития (в том числе хозяйственного) в контексте развивающейся культуры. Последняя же (вместе с местными условиями) во многом детерминировала характер развития хозяйства староверов. Отношение к своему согласию (которое считалось «церковью»), к обществу («своему» и «внешнему»), к семье, к человеку, к бедности и богатству, к быту, к переменам, к труду и потреблению — все это создавало систему мотиваций и выступало мировоззренческой канвой развития хозяйства последователей «древляго благочестия».

Очень важным моментом, на наш взгляд, является тот факт, что исследовательница описала семейских в период после гражданской войны, но до разворачивания коллективизации. Это позволило зафиксировать многие важные явления их быта, а также изменения, развивающиеся в тот период в их культуре. Серьезным фактором, оказывающим влияние на эволюцию культуры местных староверов, стали условия гражданской войны. Под ее влиянием в среде семейских стали распространяться явления (пьянство, преступность и т.д.), не характерные для этой группы в дореволюционный период и зафиксированные этнографом в ходе полевых исследований.

В очерке, наряду с большим вниманием к материальной и духовной культуре, уделяется серьезное внимание и «хозяйственно-экономическому быту» семейских старообрядцев. Дается описание их сел, усадьбы, избы. По нему можно судить об общей подчиненности структуры поселений семейских потребностям ведения своего хозяйства. Приводится его подробная характеристика: состояние земельного вопроса, выращиваемые культуры, положение скотоводства, добыча даров природы, степень развития ремесел, отхода на заработки и торговли.

В произведении А.М. Поповой семейские старообрядцы предстают как трудолюбивые земледельцы, освоившие весь фонд имеющихся свободных земель и активно расширяющие свои сельхозугодия разработкой «земель под лесом», а также за счет аренды у бурятского населения (в частности, «с половины» — за половину

урожая)¹⁵. Подобное малоземелье создавало серьезное аграрное напряжение в семейских селах, что в дореволюционный период вело к массовому отходу на заработки и миграции на Дальний Восток. Исследовательница описывает пути решения земельного вопроса, которые получили развитие в семейской среде в период после революции (передача в их распоряжение части казенной земли и захват угодий, принадлежавших бурятскому населению). Наряду с описанием традиционной двухпольной системы землепользования и перечислением основных культур (ярица, пшеница, овес, гречиха, рожь и конопля), отмечается, что в некоторых местах семейские стали сеять кормовые травы и картофель¹⁶. Это наблюдение ценно с точки зрения анализа эволюции традиционной гастрономической культуры старообрядцев. Дело в том, что картофель неоднократно запрещался к употреблению соборами разных старообрядческих согласий. Однако, в начале XX в. и особенно в 1920-е гг. картофель стал распространяться не только в качестве кормовой и товарной культуры, но и в качестве одного из основных продуктов питания.

Любопытно описание сельскохозяйственного инвентаря, используемого семейскими в 1920-е гг. На фоне сохранения традиционных деревянных сох и борон, отмечается большое распространение «за годы революции» сошек-красулек, плугов фабричного производства, а также пока еще более редких косилок, молотилок и жнеек. Согласно автору получала развитие аренда подобных «машин»¹⁷. Это говорит как о развитии потребностей и возможностей хозяйства, так и о мировоззренческой санкции подобной модернизации. Ведь возделывание земли (сакрализованной в старообрядческом мировоззрении) в идеале должно было производиться «чистыми» (т.е. созданными самими старообрядцами или их единоверцами) орудиями. Теперь же мы видим, что семейские начинают все шире использовать покупной инвентарь, в том числе фабричные плуги и механизмы для уборки и переработки урожая.

Вслед за Селищевым А.М. Попова обращает внимание на развитые ирригационные системы в семейских селах, созданные «для полива лугов, огородов, полей» и поддерживаемые «в порядке всем обществом»¹⁸. Интересно в данном случае то, что ирригация, кроме прочего, выполняла и важную социальную

функцию интеграции членов сельского мира (как это часто было в истории человечества). И если соседней могла разделять их разная конфессиональная принадлежность (разные согласия старообрядчества или официальное православие), то необходимость бесперебойного функционирования системы поливных канав неизбежно вела к их консолидации в рамках местной сельскохозяйственной группы.

Кроме описания двойной или даже тройной запашки полей, представляет интерес информация о борьбе с вредителями. Так, наряду с использованием своих магических приемов, старообрядцы 1920-х гг. использовали помощь властей¹⁹. С одной стороны, налицо сохранение традиционной сельскохозяйственной магии (синкретичного языческо-христианского состава), а с другой — контакты с представителями власти, которых ранее староверы стремились всячески избегать. Необходимость сохранения урожая формулировала социальный запрос (пока еще не всегда широкий), и власть отвечала на него присылкой «скочкодавов» и т.д.

В исследовании указывается на характер развития торговли в семейской среде 1920-х гг. В частности, несмотря на то, что хлеб и продукты огородничества производились в основном для своего потребления, в урожайные годы они поставлялись для продажи в местные экономические центры (Верхнеудинск, Петровский Завод), а также «сдавались в кооперацию». Кроме того, местные состоятельные крестьяне продавали хлеб беднякам (на семена). Вместе с тем, если раньше семейские ездили за товарами в Монголию, а также активно торговали продукцией российских и зарубежных (в том числе европейских) фабрик, то теперь подобная торговля исчезла.

Представляет интерес описываемые А.М. Поповой факты поддержки семейского населения кредитными товариществами и госорганами, которые давали в кредит семена, деньги и сельскохозяйственные орудия²⁰. Интересно даже не то, что эти кредиты давали, а то, что старообрядцы их брали. Ведь согласно традиции согласий, имевших распространение в Забайкалье, любое общение с властью не приветствовалось. В те же 20-е гг. многие старообрядцы региона отказывались входить в кредитные общества и пользоваться услугами власти. Вместе с тем, в

наблюдениях исследовательницы отразился факт использования помощи представителей других конфессий (в кредитном товариществе) и атеистического государства.

Общая сложная ситуация хозяйственной разрухи после гражданской войны сказывалась на развитии скотоводства у семейских крестьян. Согласно свидетельству исследовательницы, в военные годы в значительной степени сократилось поголовье скота и на момент середины 1920-х гг. в хозяйстве семейских имелось лошадей, коров, овец, свиней и кур в количестве, обеспечивающем только свое потребление²¹. Понятно, что на торговлю продукцией животноводства влияла близость бурятского скотоводческого населения. Однако, несмотря на это, до начала войны в 1914 г. местные староверы держали много скота и даже торговали им.

До революции многие семейские староверы уходили на заработки. Основными местами отхода были прииски и железная дорога. Кроме того, нередко крестьяне занимались извозом. Теперь же, семейские в большей мере стали заниматься сельским хозяйством, которое в новых условиях превратилось в практически единственный источник дохода. Ремесла, как хозяйственное подспорье, согласно А.М. Поповой, в тот период «не процветают»²². Наряду с кузнецами, слесарями, плотниками, столярами и другими, отмечалось наличие у семейских людей, умеющих делать деревянную посуду, а также ювелиров. И хотя они все чаще начинали использовать покупную глиняную посуду, сохранение своего посудного производства сохранялось, в том числе из-за религиозной регламентации потребления продуктов питания. Традиционно предпочтение отдавалось посуде, сделанной самим или единоверцами. И если со временем начинали использовать покупную (но освященную) посуду, все равно сохранялась потребность в собственном производстве (например — туесков-«кутейников», в которые помещали обрядовое блюдо «кутью»). То же самое касалось и развития ювелирного ремесла. И хотя с начала XX в. местные старообрядческие женщины начинают все больше покупать привозные украшения (стеклянные дутые бусы, янтарные монисто и т.д.), факт сохранения местного ювелирного производства говорит о том, что и в этот период многие старообрядцы отдавали предпочтение серьгам, кольцам, запон-

кам и браслетам местных мастеров. Видимо, пока еще сохранялось отношение к предметам украшения как к элементам защиты здоровья. Кроме того, традиционный семейский женский костюм предполагал использование специальной запонки (а не пуговицы) при застегивании рубахи. Поэтому нужны были мастера, которые их делали. И все-таки основная причина сохранения и развития ювелирного производства в среде семейских старообрядцев — это, конечно же, необходимость производства тельных крестиков. И если семейский мог использовать украшения, купленные у иноверца, то тельный крест можно было взять только у своего единоверца.

Интересны приводимые исследовательницей размеры выплат уставщику за проведение похорон и крестин. Если раньше, согласно автору, это стоило 100–150 р., то теперь крестьяне могли выплатить только 40–50 р.²³ Кроме прочего это говорит о падении покупательной способности местных старообрядцев, что сказалось даже на оплате важных обрядовых действий.

Характер развития хозяйства семейских напрямую сказывался на развитии их культуры. Так, близость Китая и развитие торговли российской и европейской фабричной продукцией после постройки Транссиба привели к тому, что уже в дореволюционное время местные старообрядцы покупали много тканей для одежды, а также дорогие шали и украшения. И это несмотря на то, что традиция предписывала использовать преимущественно свою ткань. Вместе с тем, знаковые элементы костюма старообрядцы продолжали делать своими руками (пояс, «позатыльник», кокошник и т.д.). В новое время, как отмечает А.М. Попова²⁴, общее обеднение населения привело к тому, что семейские стали более бедно одеваться, в основном донашивая то, что было приобретено в дореволюционное время.

Серьезно минимизировалось потребление продуктов питания. Согласно автору очерка, в «старое» время было больше мяса (так как держали много скота), рыбы (которую состоятельные хозяева покупали бочками) и других продуктов питания, которые к тому же стоили гораздо дешевле и были более доступны²⁵.

Наряду с сохранением родовой этической санкции на развитие хозяйства («благословение родителей воздвигает дома, а проклятие их все разрушает»²⁶) и трудовым воспитанием детей²⁷,

отмечается и разрушение традиционной старообрядческой семьи. Согласно автору, «за годы революции» все чаще стали происходить конфликтные разделы, в рамках которых из хозяйства родителей выделялись очень молодые люди, которые получали свою часть хозяйства через суд²⁸. Эти прецеденты, ранее несслыханные для старообрядческой среды, говорят о серьезных переменах, происходивших в культуре, мировоззрении и как следствие в хозяйстве семейских.

В целом, можно сказать, что этнографический очерк А.М. Поповой является интересным и важным источником для изучения старообрядчества Байкальской Сибири в период 1920-х гг. В нем нашли свое отражение разные стороны культуры и хозяйства местных староверов, а также основные проблемы, с которыми семейские сталкивались при их развитии в то непростое время.

Примечания

¹ Рябушинский В.П. Русский хозяин. М., 1998. 30 с.

² Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. 352 с.

³ Керов В.В. «Се человек и се дело его ...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2004. 658 с.

⁴ Расков Д.Е. Хозяйственная этика русского старообрядчества. // Материалы Международной конференции «Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи». Улан-Удэ, 2001. С. 45–49.

⁵ Петров Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997. 198 с.

⁶ Костров А.В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX–начале XX вв. Иркутск, 2006. 160 с.

⁷ Шапов А.П. Земство и раскол // Шапов А.П. Избранное / под ред. А.С. Маджарова. Иркутск, 2001. С. 245–326.

⁸ Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 472 с.

⁹ Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Улан-Удэ, 2009. 340 с.

¹⁰ См.: Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. 365 с.

¹¹ Костров А.В. Специфика хозяйственной инфраструктуры старообрядческих общин Байкальского региона в дореволюционный период // Материалы всероссийской конференции «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность». Иркутск, 2007. Кн. 1. С. 242–246.

¹² Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928. 36 с.

¹³ История и культура семейских Забайкалья: Хрестоматия. Ч. 1 / сост. В.Л. Петров, Е.В. Петрова. Улан-Удэ, 2005. 328 с.

¹⁴ Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские // История и культура семейских Забайкалья: Хрестоматия... С. 201–253.

¹⁵ Попова А.М. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же. С.22.

¹⁹ Там же. С.31.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 33.

²³ Там же. С. 35.

²⁴ Там же. С. 10-11.

²⁵ Там же. С. 13-14.

²⁶ Там же. С. 15.

²⁷ Там же. С. 17.

²⁸ Там же. С. 23.